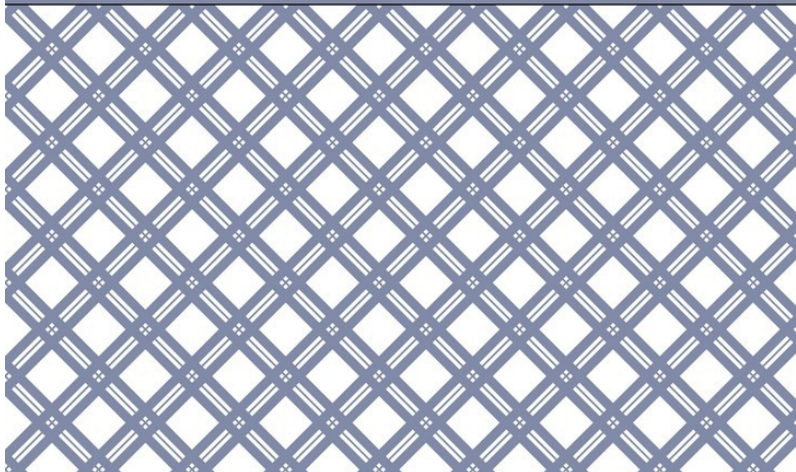

Булат Диваев

*Таня и Тоня.
Две судьбы*

Роман

Булат Диваев

Таня и Тоня. Две судьбы. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23282629

ISBN 9785448387463

Аннотация

Действия разворачиваются в конце 70-х годов прошлого века, в посёлке Белореченск, где родились и выросли две подруги, Таня и Тоня. Они отучились в областном центре – Уральске, и возвращаются к себе на родину, чтобы там жить, работать и стать счастливыми.

Содержание

Пролог	5
Пробуждение	8
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Таня и Тоня. Две судьбы

Роман

Булат Диваев

*«Ловит зверь добычу лесную,
как раб божий любовь рабы божьей.
Поймает, в сердце спрячет, ключом закроет.
Простыней замкну, постелью завяжусь.
Любовь рабы божьей из комнаты не выпущу».*

Заговор на любовь девушки.

© Булат Диваев, 2017

ISBN 978-5-4483-8746-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Рабочий поселок Белореченск расположился на живописном берегу реки Идель, в пятидесяти километрах от областного города Уральска. Удобное расположение на перекрестке трех дорог, федерального и областных значений, близость столицы области делало этот поселок местом оживленной торговли. А виды, открывавшиеся с берегов Идеи и изобилие в окрестностях Белореченска несметного количества больших и малых рек, озер и прудов, в которых водилась рыба разных мастей – излюбленным уголком отдыха горожан. Здесь живут и трудятся рабочие и колхозники, охотники и рыбаки. И здесь, тридцать с лишним лет назад началась эта история. Простая история про простых девушек, двух подружек. И эта история могла произойти в любом месте нашей огромной страны, но так уж сложилось, что произошла именно здесь. И мне она запала в душу, так как я стал где-то свидетелем, а где-то и участником произошедших событий.

Итак, их звали Таня и Тоня. Они не были похожи друг на друга. Даже совсем наоборот. Маленькая, шустрая, вся чернявая, с раскосыми, черными как смоль, глазами и острая на язык Тоня, была полной противоположностью статной Тане. Со слегка неправильными чертами лица, которые придавали какой-то особенный взгляд её глазам, которые ещё

и от игры теней казались необычайно большими, Таня с детства росла рассудительной и степенной, любящей во всем порядок. А её роскошные белокурые локоны стали бы предметом зависти даже для моделей глянцевого журналов.

Подруги вместе росли на одной из красивейших улиц Белореченска, Горской, где на холмистых склонах раскинулись сады Опытного хозяйства, выращивающего самый северный виноград, иссиня черные гроздья которого манили детишек своим кисло-сладким вкусом.

Прямо из домов подруг можно наблюдать весенний ледоход, когда по Идели грохоча, в одночасье многотонные глыбы льда, наплывая друг на друга, уносятся бурлящими потоками воды в даль, к далёкому морю. Здесь круглый год можно гулять по березовой роще, которая черно-белыми стволами мельтешит прямо от огородов и до берегов Идели.

А на самом видном месте, крутом отроге, возвышающегося над рекой, установлена местная достопримечательность – отслуживший свой срок ветеран – самолет АН-24, который величаво расправив крылья, провожает проплывающие мимо теплоходы, суетящиеся по реке, перевоза по ней зерно, нефть, лес, песок и щебень.

Подруги вместе ходили в детский сад, который расположился в старом доме купцов Гребушиных. Оттуда пошли в школу, которая была построена ещё в 30-е годы из камней разрушенной церкви. А затем так же дружно поступили в педагогический институт в Уральске. И вскоре, окончив

институт должны вернуться в поселок, чтобы там прожить долго и счастливо...

Пробуждение

Конец 70-х – 80 -е годы

– Ой, Танюха, знала бы ты, какой он! Вот знаешь...

– Знаю, знаю – то ли насмехаясь, то ли жалея подругу, перебила Таня – красавец, симпотяга и главное – скромняга. При живой жене встречается с незамужней девушкой, и никто не знает об этом.

– Ну, опять ты за своё. Ты же знаешь, он глубоко несчастный человек. Он по ошибке женился, вот увидишь, он скоро разведется, и мы поженимся. Да и вообще, а толку то, что твой не женат? Ходит всё кругами, ни бэ, ни мэ, ни кукареку. Знает только, что учит свой английский, который в Союзе никому не нужен вовсе, да и вздыхает. Английский, между прочим, даже в школе никто не учит, а он в институте решил учить, дурачок.

– А тебе-то откуда знать, что он только кукарекает, – вспыхнула было Таня, да тут же осеклась.

– Ну ка, ну ка, с этого момента поподробней! – оживилась Тоня и обняла подругу, – Он сделал тебе предложение? Ох, счастливая же ты Танька!

Она закружила подругу, и кружась, девушки вдвоем повалились на койку.

– Нет, не предложение, – тихо сказала Таня и поднялась

с кровати, поправляя платье. Повернулась к окну и сказала:

– Скоро, когда получим дипломы, мы поедем к нему в деревню и там решим, как дальше будет. Ведь он татарин, а я русская. Примут ли его родители меня...

– Как не примут. Ты что? У меня вот мать башкирка, а отец русский. Сама же знаешь! И что? Им не любить друг друга? А мне что делать? Я кто тогда, Рубашка, что ли? Напрасно ты так. Да и время-то сейчас какое? Конец 20-го века, мы семимильными шагами идем к коммунизму, а ты глупости говоришь: русский, татарин... Мы же живем в Советском Союзе и давно прошли те времена, когда на расу, нацию, религию обращали внимание. А теперь вперед надо смотреть, только вперед.

– Ну, вперед, так вперед. Пошли к госам готовиться. А то накроется наше светлое будущее медным тазом.— сказала Таня и села за стол, где лежали учебники.

Но в это время в дверь постучали и не дожидаясь разрешения к ним в комнату вошел молодой человек лет двадцати семи. Он был коренаст, крепко скроен и довольно симпатичен. Это был парень Тони, а звали его Антон.

– Привет, девчата! – весело поздоровался он.

– Ой, Антоша! – обрадовалась Тоня, – Привет! – и подойдя к нему, обняла его – Как здорово, что ты пришёл. Проходи, ты как раз вовремя. Вот ты, как старший, пожалуйста, объясни Тане политику партии и правительства в части международных отношений. А то она уже и нос повесила.

– А, вы о Фаргате говорите? Да, Таня?

Таня укоризненно взглянула на подругу, качнула головой и вышла из комнаты.

– Что это она? – будто не понял, спросил Антон.

– Она обиделась. – ответила Тоня – Ты посиди тут, а я пойду схожу за ней, а то неудобно как-то получилось. Я быстро.

– Хорошо, хорошо, конечно иди, а я пока книжки гляну.

Антон был единственным сыном в семье Одинцовых. Глава семейства, Александр Семёнович, пройдя Великую Отечественную войну с первых её дней и дойдя до Праги в пехоте, вернулся в родной Белореченск кавалером двух орденов Славы, Боевого Красного Знамени и Красной Звезды и кучи медалей, особыми из которых были две медали «За Отвагу». Александр Семенович о своих фронтовых подвигах никому не рассказывал, но его однополчанин Григорий Федорович как-то обмолвился, что служил отец Антона в разведке.

Александр Семёнович был молчуном и нелюдимом, и видимо, поэтому стал работать в лесничество егерем, а затем вовсе подался в артель к охотникам. Многие годы он ходил бирюком, пока в конце сороковых не повстречал Анну Андреевну, ставшей ему опорой на всю жизнь. Веселушка и певунья Аня скрасила жизнь герою-разведчику и родила наследника.

Своего сына он тоже приобщил к охоте, когда тот подрос и стал способен таскать охотничье снаряжение. Анна Ан-

древна пыталась было отговорить мужа, выговаривая, что мальчика грамоте учить надо. Да только Александр Семенович молча махал в её сторону рукой, мол: «Молчи!», и каждый раз брал сына с собой. В лесах Александр Семенович учил своего сына премудростям охотничьего дела, да и свои фронтовые навыки не забывал незаметно привить своему наследнику.

Тем не менее, Антон учился относительно хорошо. Веселый нрав, унаследованный от матери, давал возможность легко общаться с одноклассниками. И ему, когда он отставал в учебе, с радостью помогали и мальчишки и девчонки. Тем более, что он так интересно рассказывал охотничьи истории, что с ним не было скучно. А Анна Андреевна всегда оставляла какие-нибудь вкусности на столе, когда сама уходила на работу.

После окончания школы, Антон, как и все советские парни, которым исполнилось восемнадцать лет, был призван в армию. Служить он попал в железнодорожные войска. И два года службы он провел на строительстве Байкло-Амурской магистрали. После демобилизации он не поспешил домой, а остался на БАМе, строить железную дорогу. Там он и познакомился с Настей. Она была сиротой и жила в одной из местных сел и на стройке работала поварихой. Что заприметил в ней Антон неизвестно, но через год он приехал в отпуск уже с женой.

Родители Антона увидев сына с невесткой, немного ото-

ропели. Он ничего не сообщал в своих письмах о своей женитьбе родителям, стремясь устроить по приезду сюрприз. Сюрприз удался: даже Александр Семенович произнес несколько слов, преимущественно матерного характера. Он долго присматривался к сыну, но всё тот же веселый нрав и нежное отношение к невестке успокоили отца с матерью и со временем они приняли сыновий выбор.

За годы службы сына в армии Александр Семенович сдал, его здоровье сильно пошатнулось. Пуля солдата вермахта, засевшая в его груди, зашевелилась и настигла его через тридцать пять лет после войны. И спустя год после приезда сына в отпуск, в канун праздника Победы он умер.

Анна Андреевна тоже недолго горевала после смерти мужа. Она ушла вслед за ним той же осенью.

Так Антон, уехавший было обратно на БАМ, перебрался окончательно на свою малую родину. Железной дороги поблизости не было, да и строительство таковой не намечалось, поэтому Антон взял отцовское ружье и пошел в артель. За один сезон он набил столько зверья, что денег, полученных от сдачи шкурок, хватило на мотоцикл «Урал» и ещё на житее осталось.

Таня стояла в парке и ждала Фаргата. Она первой пришла к месту их встреч, фонтану у памятника Ленина, и теперь неторопливо перелистывала страницы книги, которую захватила с собой, как раз на тот случай, если придется немно-

го подождать. Она знала, что Фаргату надо проехать полгорода, чтобы добраться сюда, потому что общежитие, где жил Фаргат было расположено в другом районе, у окраины.

Посмотрев на часы, Таня села на скамейку, надела очки и углубилась в чтение. Она готовилась к экзаменам по «Педагогике» и поэтому перечитывала «Флаги на башнях» Макаренко А. С.

А Фаргат, держа в руках букет гвоздик, уже шел к заветной скамейке. Он издалека увидел Таню, и теперь хотел подкрасться к ней так, чтобы она не заметила его. Он знал, что Таня сильно стесняется носить очки, думая, что они её портят. А ему она особенно нравилась в очках, было что-то в ней необыкновенно-восхитительное в образе строгой учительницы. В самый последний миг Таня увидела Фаргата и суетливо сняла очки, пряча их за спиной. Она смущенно заулыбалась, заливаясь в краску.

– Ты чего опаздываешь? – попыталась Таня перейти в наступление, и нарочито обидчиво вскинула голову.

Теперь настала очередь смутится Фаргату:

– Ты же знаешь, как тяжело в час пик добраться из моего района. – он тоже покраснел, и с надеждой посмотрел на Таню, пытаясь понять: насколько сильна её обида?

Но Таня уже смеялась и подпрыгивая на одной ножке, размахивая руками словно птица, пошла вокруг фонтана:

– А, поверил, поверил! – Таня радовалась, словно ребенок, тому, что она успела спрятать очки и сбить с толку Фар-

гата. Допрыгав до следующей скамейки, она села на него. А Фаргат, покорно следовавший за ней держа в одной руке букет, а другой подобранную с дорожки книгу, которую Таня нарочно выпустила из рук, остался стоять на ногах.

– И что мы сегодня будем делать? Пойдем в краеведческий музей или же как всегда, просто погуляем по парку? – капризно спросила Таня.

– Ни то, ни другое. Я сегодня билеты купил в кино. Мы же с тобой ещё ни разу в кино не ходили.

– А что за фильм?

– Сегодня в «Смене» идет картина «Усатый нянь». Только – только в прокат вышел. Говорят, очень смешной и интересный. Начало без пятнадцати шесть вечера. Поэтому мы можем прогуляться до кинотеатра пешком, наслаждаясь весенним днём и вкусами мороженого. Да и кинотеатр не так уж и далеко. Как посмотришь на это, Тань?

– А как посмотрю? Никак! Ты же у нас мужчина, ты решаешь!

Фаргат опять смутился. Смеется или серьезно сейчас говорит с ней Таня? Он терялся от каждого её слова, боясь нанести своим неосторожным поступком или словом глубокую обиду.

– Тогда, значит, пойдем пешком? – Фаргат вопросительно посмотрел на Таню.

Таня же наоборот, своим вызывающим поведением пыталась скрыть своё истинное отношение к нему. Она сама

до смерти боялась, что вот-вот сейчас Фаргат вспыхнет и уйдет, обидевшись на Таню. Но и что-либо сделать со своим чёртиком, который просыпался в ней при каждой встрече с Фаргатом, не могла.

Таня вскочила на ноги и приложив руку к голове, как учили на военной кафедре, выкрикнула:

– Есть, товарищ командир! – и задорно засмеялась...

...После просмотра фильма они взявшись за руки шли по вечернему Уральску. Легкий ветер, который прорывался в город с Идели, приятно освежал согретый майским солнцем воздух. Лучи уже скрывающегося за крышами домов солнца, отдавали свое последнее тепло этому дню, и словно в прощальном танце, играли на водной глади огромных луж, покрывших улицы. Весна пьянила молодых людей своими запахами. Эти запахи будоражили их сердца, заполняя одурманивающим чувством абсолютной свободы, вселяя уверенность в то, что только безраздельное, никем не способное быть отнятым у них, счастье ждет их вон там, за ближайшим поворотом...

...Так они шли, болтая о сюжете фильма, то неожиданно обнимаясь, если сходились во мнениях, то бурно начиная спорить, когда находили в фильме моменты, на которые смотрели с разных точек зрения.

– Балбес этот Кеша! – доказывала Таня, – Влюбился в девушку, так будь мужчиной, подойди и скажи ей о своих чув-

ствах! Она может этого и ждёт, когда он признается! Нет, ходит всё кругами, – и, вспомнив Тоню, её слова, засмеялась и произнесла: – ни бэ, ни мэ, ни кукареку!

– Ну, не хочет он ещё стать взрослым человеком. И я понимаю его. Детство всё-таки, такая пора, которая даётся человеку один раз, и мы расстаемся с ним, даже не осознавая, какое светлое время нашей жизни от нас уходит. Ещё и радуемся, что скоро станем большими и важными. А вот скажи, сама ведь не раз вспоминала школу? Как там было хорошо! Так же?

– Нет! Вот ни разу не вспоминала! – Таня опять стала вредничать, хотя сама в душе всегда тосковала по школе. – Эта школа мне давно надоела! – и смеясь, добавила, – Ещё в школе!

– А как же твои слова о том, что осознанно выбрала профессию учителя, чтобы навсегда связать свою судьбу со школой? – Фаргат остановился и непонимающе уставился на Танию.

– Да врала я, чтобы как-то объяснить, зачем пошла в педагогический, а не в медицинский, например. – даже не моргнув глазом ответила Таня.

– Нет, ты не врала. Я же видел, как ты говорила эти слова.

– Врала! Врала! Врала! – затараторила Таня и в припрыжку понеслась вперед.

– Да ты сама ещё ребенок, – засмеялся ей вслед Фаргат.

За окном капли дождя ритмично барабанили в окно. Таня, отвернувшись к стене, сидела на кровати и тихо плакала. Слезы, вторя капелькам дождя, медленно стекали по её щекам и капали на руки, в которых она держала листок бумаги.

Тоня, зайдя в комнату и увидев плачущую Таню подскочила к ней, опустилась на колени и посмотрев ей в глаза, тихо спросила:

– Что произошло, Тань? Ты чего плачешь? – и пытаюсь успокоить её, произнесла, – Я, честно говоря, стала забывать, что ты умеешь плакать. Значит, случилось что-то серьезное. А ну, давай рассказывай! Этот не доделанный англичанин обидел тебя? Да?

– Нет. Не обидел. – ответила Таня, и с вызовом бросила: – И никогда не обидит!

– Так что же ты плачешь, дурёха?

– Я его сама обидела... – тут Таня дала волю эмоциям и разревелась в голос.

– Как обидела? Зачем? – Тоня приобняла подругу, которая уже тряслась от рева.

Тоня встала, подошла к столу, наполнила стакан водой, и немного отпив, понесла воду подруге.

– На-ка, вот попей воды. Успокойся. А то ты сейчас истерить начнешь. А я тебя в истерике никогда не видела и поэтому мне страшно. Я же не знаю что мне делать тогда. – попыталась немного пошутить Тоня.

Но Таня не унималась, а только мычала в подушку.

– Ну, что ты мычишь? Давай рассказывай. Не томи душу.

– Я, – начала было Таня – я, а он... – и вновь уткнулась в подушку.

Когда Таня успокоилась, и сбиваясь, дрожащим голосом, готовым вновь сорваться в рёв, рассказала всё, что произошло, картина прояснилась.

Оказывается, Таня две недели назад, когда она с Фаргатом поехала в деревню, испугалась встречи с его родителями. И на полпути к деревне и своему счастью, поссорилась с Фаргатом и уехала обратно в Уральск.

– Ничего, всё утрясется. Вот увидишь, он придет. Он же любит тебя.

– Нет, не придет. Я две недели прождала. А сегодня я не выдержала и пошла в деканат, узнать, когда у них последний экзамен – сказала Таня.

– И что? – спросила Тоня – Когда?

– Никогда.

– Как никогда? – удивленно спросила Тоня- Ты что несёшь?

– А так. – Таня прямо посмотрела подруге в глаза – Он на прошлой неделе приехал, сдал экзамены досрочно и уехал.

– Как сдал? Зачем? – ничего не понимая спросила Тоня.

– За тем... Он в армию ушел... Мне письмо от него передали в деканате. – Таня протянула Тоне листок бумаги, ко-

торый она держала в руках.

Тоня бережно взяла в руки пропитанный слезами подруги лист, разгладила его ладонями и начала читать:

«Жаным, душа моя! Ты знаешь как сильна и нерушима моя любовь к тебе. Но наша глупая размолвка, возможно, вовсе не случайна. За то время, которое я был без тебя, я осознал одну простую истину: в жизни не бывает случайностей. Каждый шаг, сделанный нами, ведет за собой целую цепь событий, которые происходят с нами потом, в будущем. И поэтому, прежде, чем сделать решительный и бесповоротный шаг к тому, чтобы объединить наши судьбы, мы должны испытать наши чувства временем. Я сходил в военкомат и скоро ухожу служить в армию. Два года разлуки будут достаточными для того, чтобы разобраться с самим собой. Мое сердце разрывается на тысячи кусочков, когда я пишу эти строки, но так надо. Прости меня, если я нанес боль и тебе. Верю, что буду прав, если напишу: До свидания!*

Твой навеки, Фаргат.

12 мая 1978 года.»

Тоня прочитав эти строки недоуменно посмотрела на Таню. Потом перечитала его и спросила:

– Он что, дурак, этот твой Фаргат?

– Не говори так о нём. – Таня уже успокоилась, лишь покрасневшиеся глаза говорили о том, что она только что плакала. – Наверное, он прав. Мы ведь мало знаем друг о друге.

Хоть и встречались почти полгода, а я даже не знаю откуда он родом. Да и он тоже, что я из Белореченска вроде ничего не знает.

– Как ничего не знает? – Тоня присела на стул и покачала головой. – Вы оба дурни, что ли? Честное слово. Вы о чем разговаривали, когда встречались? О политике партии, правительства и звёзды считали? – тут она возмущенно развела руками.

– Ну, нет, – ответила Таня с сомнением в голосе и немного подумав продолжила, – Так-то я знаю, что он с Базинского района. Да, да, я вспомнила. Он рассказывал, что у них возле деревни озеро такое большое, где усадьба была графская. И потом, я ведь ездила с ним на вокзал, и мы брали билет на автобус именно в Базы.

– Нет, – Тоня вскочила на ноги. – Вы два идиота! Извини, конечно, подруга за прямоту, но это так.

– Почему? – Тонька вопросительно уставилась на Таню.

– Да потому, что любовь эта ваша окончательно вам мозги запудрила. Вот скажи мне дорогая моя, как он тебя найдёт, когда с армии своей вернется? Будет по всей области ходить и аукать? А ты куда письма свои будешь посылать? На деревню – дедушке? – Тоня даже топнула ногой от досады и вспыхнувшего возмущения на подругу.

Успокоившаяся было Танька, разревелась ещё сильнее.

– Дура. Я полная дура – и вновь уткнулась в подушку.

Тоня подошла к кровати подруги и присела на краешек.

Она обняла подругу и сказала:

– Таня, это я дура. Взяла и расстроила тебя ещё сильнее. Не плачь. Всё будет хорошо. Вот увидишь, он найдет тебя. Это я сама напридумывала, что не найдет. Придет в деканат, возьмет твой адрес и вот уже он у твоих ног!

– Ты не понимаешь, – смешно хлюпая носом произнесла Таня. – Ты ничего не понимаешь.

– Что я не понимаю? – удивилась Тоня словам подруги.

– Я, кажется, беременна. – едва слышно произнесла Таня.

– Что, что? – спросила Тоня, всё шире раскрывая от ужаса глаза – Что ты сказала?

– Я забеременела, – уже твёрже прошептала Таня.

– Как забеременела? – всё ещё не понимая слов Тани и глупо улыбаясь, снова спросила Тоня.

– Так, как и все женщины, от мужчины.

Тоня вскочила с кровати, и посмотрев на подругу, как на чумную, пересела на стул. Она пыталась осознать произнесенные Таней слова. И это удавалось ей с трудом. А Таня, распластавшись на кровати, уже закрыла глаза и лишь подергивания её губ говорили, что она плачет. И подтверждая это, слезинки пробились сквозь её веки.

– Ты от этого самого Фаргата, который смылся в армию, залетела? – шепотом спросила Тоня.

Таня кивнула головой в ответ на вопрос подруги.

– Вот это поворот! – воскликнула Тоня и тут же замолчала. Она молча подумала некоторое время. Потом подошла

обратно к кровати Тани и сев, обняла её. Она склонила голову к ней и горячо зашептала:

– А ты не думаешь о том, что он использовал тебя и смылся?

– Что? – резко спросила Таня, приподнявшись: – Что ты сказала?!

– Ой, извини, подруга. Но после его письма и твоего признания я и не знаю, что и думать. Как это случилось?

Таня долго молча лежала и рассматривала потолок, а Тоня терпеливо выжидала, когда подруга соберется с мыслями. А Таня вспоминала тот вечер, когда они то шутя, то бурно переговариваясь дошли до общежития. Таня сама уговорила Фаргата зайти к ним в комнату, в которой она осталась одна, как участница Слёта студенческой молодёжи. А остальные, после демонстрации, давно разъехались на майские праздники по родным краям. Вахтерша тетя Шура тоже спокойно ушла готовить ужин, и вход в общежитие был свободен.

– Я и сама не поняла, как всё случилось, – тихо проговорила Таня, когда собралась с мыслями, и начала излагать события того дня. – Мы вместе сидели на койке, и всё ещё жарко обсуждали достоинства фильма. И вдруг резкий порыв ветра распахнул окно. Ветер, ворвавшись в комнату, разметал лежащие на столе тетрадные листы, на которых были заготовки наших шпаргалок. А оконная рама, ударившись об горшок с геранью, сбила его на пол. Мы, смеясь и подпрыгивая, как дети, кинулись ловить бумаги, которые всё ещё кружили

в воздухе. – Таня прервала свой рассказ и посмотрела на Тоню. Приподнялась на кровати, и села, обняв свои колени. – В какой-то миг мы соприкоснулись и дрожь, которая пробежала по моему телу была сродни дрожи от удара электрическим током. Меня завлекла какая-то неведомая до этого мига сила. Чувства, охватившие меня, пересилили все доводы разума, который в глубине сознания всё ещё пытался меня остановить. Но сердце, бешено колотясь в груди, изо всех сил сопротивлялось и гасило рассудок... – Таня на секунду замолкла, видимо переживая те мгновения вновь. – А потом я очнулась, счастливо улыбаясь, как дура. Впрочем, как и он, который лежал рядом, и также улыбаясь, глядел на меня.

Тоня заслушалась рассказом подруги, живо представляя всю картину, и даже не заметила, как Таня замолчала. Лишь через минуту она опомнилась, сделала серьезное выражение лица и спросила:

– А что дальше?

– Дальше мы договорились на девятое мая поехать в Базы.

– Нет, я не про это. – недовольно вскинув руки, проворчала Тоня. – Что дальше делать собираешься?

– Как что? Буду ждать его.

– Так к его возвращению ребенку будет почти полтора года. Я вот о чём.

– И что? Он приедет и мы поженимся.

– Уверена?

– Не пойму, ты к чему клонишь? – Таня посмотрела на по-

другу.

– Как бы это сказать. – Тоня приложила ладонь к губам, делая вид, что сосредоточенно думает. Через пару-тройку секунд она тихо произнесла. – А если, пока не поздно, сходить к бабке и...

– Что И? – Таня подозрительно посмотрела на Тоню. – Что И?

– И избавится от этого... – глядя в пол, проговорила полупшепотом Тоня.

– Что-о?! – Таня медленно начала вставать с кровати. – Что? От чего это мне избавится?

– От ребенка. – быстро сказала Тоня и села на стул.

– Что ты говоришь, Тоня! Ты хоть думаешь, когда такое говоришь?! Это же ребёнок Фаргата! – Таня резко развернулась и прошла к окну. Раскрыв окно она вздохнула. От возбуждения у неё тряслись руки и покраснело лицо. Она была сильно возмущена словами Тони и теперь не знала, как спокойней ответить ей. – Я не могу его убить! Понимаешь?

Тоня, сидевшая спиной к окну, повернулась, и взглянув на Таню ответила:

– Извини, пожалуйста! Я не подумала хорошенько, прежде чем дать этот совет. Я же думала, что так будет проще для тебя. Ты подумай, как ты будешь это объяснять маме? Да и люди в Белореченске, сама знаешь, болтать любят.

– Да, это тоже верно. – Таня успокоилась и вернулась обратно на свое место, кровати, и села. Тоня тоже вновь раз-

вернулась к ней и ждала, когда Таня заговорит. Но Таня молчала.

– Тогда может, тебе лучше остаться в Уральске? – предложила Тоня. – Устроишься на работу, хоть и не по направлению, но я думаю учителя с высшим образованием и в Уральске нужны. Или же вообще уехать в какой-нибудь другой город.

– Нет, Тоня. Это тоже не вариант, потому что Фаргат, когда вернётся, приедет за мной в Белореченск. И я буду ждать его там.

1

А время бежало своим чередом. Каждодневные заботы, подготовка к государственным экзаменам, зубрежка учебников заполняло свободное время так, что Таня если и не забыла, то на время заглушила свою боль. В конце июня девушки успешно сдали экзамены и получив заветные дипломы, поехали на родину, применять полученные за годы учебы знания на практике...

...Первого сентября на планёрке директор школы представила подруг педагогам:

– Уважаемые коллеги! В к нам пришли новые педагоги. Прошу любить и жаловать, Татьяна Герасимовна Лукина и Антонина Яковлевна Прохорова. Это специалисты с высшим педагогическим образованием и бывшие наши выпуск-

¹ *Жаньым** – татарски – душа моя

ницы. Многие из вас должны помнить их ещё ученицами, но теперь они полноправные члены нашего дружного педагогического коллектива. Татьяна Герасимовна будет преподавать математику в четвертом и пятых классах, а Антонина Яковлевна будет вести в тех же классах русский язык и литературу.

Директором школы работала Роза Ахметовна, бывшая в годы учебы Тани с Тоней в школе ещё завучем, волевая и сильная женщина, но очень злобедная и злопамятная. Учителя, что женщины, что мужчины, боялись её и старались без повода не сталкиваться с ней. Ученики прозвали её Шипучкой, видимо от имени – Роза, а может быть и от того, что когда она была сердита, её речь превращалась в сплошное шипение.

– Попрошу Татьяну Герасимовну и Антонину Яковлевну пройти в партком, – сказала Нина Николаевна, учитель истории и по совместительству парторг школы. – Мы с секретарем школьной комсомольской организации определим вам круг ваших общественных обязанностей. После Урока Мира ждем в моем кабинете.

– Хорошо, конечно. – за двоих ответила Тонька. – Мы будем рады работать с детьми и во внеурочное время.

– Вот и хорошо. А теперь все на линейку. – завершила планёрку Роза Ахметовна.

После работы подруги увлеченно беседуя и делаясь впечатлениями от первого дня в школе, шли домой.

– А Шипучка нисколючко не изменилась. – говорила Тоня. – Та же зловредина. Заметила, как она на линейке на всех смотрела?

– Как? – спросила Таня.

– Как фашист на евреев, вот как. – и звонко засмеялась.

Вдруг Таня остановилась, схватила подругу за руку и тихо прошептала:

– Ой, Тонь, меня тошнит...

Тоня поняв состояние подруги, посмотрела по сторонам, и убедившись, что никого поблизости нет, сказала:

– А ну-ка, давай вон туда, к березкам спустимся. Только аккуратно, не спеши, будто мы берёзками любуемся. Только до березок-то дотерпи, токсикозная...

... -Ты маме-то сказала или нет ещё? – спросила Тоня, когда Танька оправившись, присела возле неё на скамейке. – Она же догадается скоро.

– Нет. Пока смелости не набралась. – Таня грустно улыбнулась. – Вот как догадается, так и поговорим. А пока...

– Что пока-то? Лучше поговори сама, первой начни. Объясни как-то, я не знаю... Придумай что-нибудь, в конце концов.

– А что придумывать? Как есть так и расскажу. Вот сегодня и расскажу. И что будет, то и будет.

– А что будет? Мать она всегда поймет. Огорчится конечно, но поймет. Так что не сомневайся. Тетя Лида умная

и добрая.

– Ладно, сказала же, сегодня поговорю.

Лидия Ивановна готовила праздничный обед, в честь первого рабочего дня своей дочери. Она специально отпросилась с работы на сегодня, чтобы вместе с дочерью отметить это событие вместе.

Лидия Ивановна уже давно одна воспитывала дочь, так как её муж – Герасим, работавший трактористом в лесхозе, трагически погиб на лесоповале, когда неосторожно выглянул в окно трактора, и его голову придавило стволом дерева. Тогда Таньке было девять лет. И вот теперь их дочь, отучившись в Уральске, стала учительницей. Лидия Ивановна от радости даже припевала, пока готовила стол. Гордость за дочь распирала её.

Когда она несла на стол посуду, она краешком глаз увидела в окно, что кто-то вошел в их калитку. «Кого это несет?» – подумала она и торопливо направилась в сени. Она вышла на крыльцо и увидела Прохоровых, своих соседей, которые держа что-то на руках, шли к ним в дом.

– Здравствуй, соседushка! – подойдя к ней поздоровался Яков, отец Тони, – С праздником тебя! С Днем Знаний!

– Здравствуйте, родненькие! Вас так же с праздником. Айда-те в дом, что ж мы в сенях-то стоим.

Яков Михайлович пропустил вперед супругу, Галию Салимовну, которую все по простому звали Галей, а затем и сам

вошел в дом.

– Мы Лида подумали и решили, что вместе праздник гулять будем. – с характерным башкирским акцентом сказала Галя. – Что нам по разным домам-то сидеть. Байрам у нас один, так вместе и радоваться будем. Песни петь. Айда, Яша, доставай гостинцы! – А сама поставила на стол своё фирменное блюдо – балеш*.

– И правильно решили. – обрадовалась Лидия Ивановна. – Чай, не чужие. Двадцать с лишним годков вместе живем. Таня с Тоней, с пелёнок, можно сказать, вместе росли. И сейчас, дай Бог, вместе работать будут. Айда, Галя, пошли стол накрывать, а ты Яша, сходил бы до колонки, водицы принёс пока. А потом глянь наших девчат.

Яков Михайлович стоял у калитки дома Лукиных и ожидал возвращения Тани с Тоней с работы. Он прикурил папироску и зорко всматривался в сторону школы, откуда должны были идти подруги. Уже давно пробежали гурьбой дети, возвращаясь со школы, а девчат всё не было.

– Пап, ты что здесь стоишь?

От неожиданности Яков Михайлович даже вздрогнул и выронил из рта папироску.

– Тьфу ты! Напугала. – Яков Михайлович наступил на упавшую папироску и притушил её носком ботинка. – Как что стою? Вас вот жду. А вы откуда пришли, школа-то в другой стороне?

– А мы по роще прогулялись, на скамейке посидели, по-

болтали. – Тоня хитро улыбнулась, и подбежав к отцу обняла его. – Пап, не поверишь, я – учительница!

– Молодец! – проворчал Яков Михайлович – А мы тута, значит, вас ждём – не дождёмся, а они болтают! – Яков Михайловичу не терпелось сесть за стол и пропустить рюмашку. – Айда, марш в дом. Стол ждёт.

Подруги переглянулись, потом взялись за руки, и пошли в дом.

2

– Дорогие наши дочки! – Яков Михайлович поднялся из-за стола и поднял рюмку. – Позвольте на правах старшего и единственного мужика за столом, первым поздравить вас с первым вашим рабочим днем. Много говорить не стану, только отмечу, что хочу пожелать вам успехов работе, здоровья и счастья. Учить детишек самое благородное дело в мире. И мы, ваши родители, рады, что наши дочери выбрали первую профессию! Уверен, покойный Герасим, да будет земля ему пухом, поддержал бы мои слова! За вас! – и отправил рюмку водки в рот.

Женщины тоже чокнулись рюмками и протянули рюмки к подругам, чтобы чокнуться с ними.

– А мне нельзя – сказала Таня и зарделась, поняв, что теперь могут начаться расспросы, отчего и почему.

– Нам нельзя! – пришла на выручку Тонька. – Мы же учи-

² Балеш (гат) – курник

теля. Как мы завтра детям в глаза смотреть будем. Вы пейте, а мы компотом вас поддержим.

– Вот это правильно! – Яков Михайлович одобрительно посмотрел на девушек, и затем, оценив количество содержимого в бутылке, продолжил: – Учитель это звучит гордо! Вроде как-то так говорится. Молодцы девчата. Так держать, – и, вполголоса добавил, – И нам больше достанется...

...Когда Тоня и её родители ушли, Таня помогла маме убрать со стола и помыть посуду. А потом подошла к Лидии Ивановне и обняв её, виноватым голосом произнесла:

– Мама, мне надо тебе сказать очень важную для нас вещь. – и она подвела маму к дивану и бережно усадила её.

Лидия Ивановна поудобнее уселась на диване и с интересом и вниманием приготовилась слушать дочь.

– Мама, в Уральске я встретила человека, – осторожно начала Таня разговор, – очень дорогого для меня человека. Я его люблю. Сильно люблю.

Сердце матери взволновано застучало, слушая слова дочери. Она уже обо всём давно догадалась, но не начинала этот разговор с дочерью первой, так как верила, что Таня сама ей расскажет тогда, когда будет готова к нему.

– И так получилось, что он ушёл служить в армию.

Вот это было неожиданностью для Лидии Ивановны. Она уже всё поняла и перед её глазами пробежали насмешливые взгляды сельчан, которые будут сопровождать её дочь. Та гордость, распиравшая её совсем недавно, улетучилась так,

как будто её и не было. Вместо неё к ней пришли досада и разочарование. Она было поддалась этим чувствам, но глянув на дочь, она нарочито взбодрилась, и встала с дивана.

Таня увидев, что мама встала, решила, что она сейчас пустится в долгие разговоры о девичьей чести и целомудрии. Но, вместо этого Лидия Ивановна подошла к дочери и обняв её прошептала ей:

– Я всё знаю, дочка. Плохо, конечно, что твой дружок в армии. Я-то было обрадовалась, что буду к свадьбе готовиться, да видно придётся повременить. И если он также сильно любит тебя, то когда вернётся, всё правильно поймёт.

Таня посмотрела на маму и грустно улыбнувшись, обняла её.

В конце октября на улицах Белореченска ребятня лепила снеговиков и каталась на санках с горок. Снега в этом году выпало необычайно много для поздней осени. Сугробы были больше метра высотой, а снег и не думал таять. Наступала зима. Ветер, разметав косы берёз, срывал с них серебро инея, которые белоснежными искринками, переливаясь на солнце всеми цветами радуги, тихо опадали на землю. Дети, воздев руки кверху, смеясь и вереща, принимали снежный душ.

Таня после уроков стояла у окна и улыбаясь смотрела на детишек, которые, не обращая внимания на ветер, с криками да воплями, кувыркались в сугробах, когда пионервожатая Лиля зашла в учительскую. Увидев Таню, она сказала:

– Татьяна Герасимовна, вас директор школы просит пройти к ней в кабинет.

– Зачем? – спросила Таня.

– Откуда мне знать? – пожала плечами Лиля и села за свой стол.

Теряясь в догадках, Таня пошла в директорскую. У неё вроде как не было недочетов в работе: все поурочные планы, конспекты занятий были написаны чуть ли не на месяц вперед, дисциплина на уроках была соответствующей и успеваемость учеников улучшалась «Что ещё Шипучке от меня надо?» – недоумевая, шла по коридору Таня.

Войдя в кабинет директора, Таня увидела, что директор в кабинете была не одна. На стульях, расставленных вдоль стены, сидели парторг школы Нина Николаевна и председатель профсоюзного комитета, он же завуч по воспитательной работе Вадим Николаевич.

– Здравствуйте, Роза Ахметовна! – поздоровалась Таня с директором и кивком головы поприветствовала остальных присутствующих и остановилась у порога.

– Проходите, Татьяна Герасимовна! Присаживайтесь – ответила ей директор, указывая на стул, стоящий у противоположной стены, возле окон, и добавила, – Вам наверно тяжело на ногах-то.

Таня послушно прошла и села за указанный ей стул.

– Как вам у нас работается? Нет ли каких-либо претензий к нам, руководству школы? – с какой-то язвинкой в голосе

спросила директор.

– Нет, что вы! Какие могут быть претензии. Я счастлива работать в таком замечательном коллективе. – ответила Таня и облегченно вздохнула, решив, что это формальная профилактическая беседа или опрос.

– Вот, вот! – подхватила Роза Ахметовна, посмотрела на Нину Николаевну с Вадимом Николаевичем, и рукой показывая на них продолжила. – Такой замечательный педагогический коллектив, которые многие годы является передовиком соцсоревнования, имеет награды от обкома и райкома партии, министерства образования и тут такой конфуз.

– Какой конфуз? – с непониманием спросила Таня.

– А такой конфуз, что у вас будет карапуз – сказала директор и издевательски засмеялась. Парторг с профкомом криво ухмыльнулись шутке Розы Ахметовны.

– Вы о чём? – спросила опять Таня, всё ещё не понимая смысла происходящего.

– Да о тебе и твоём будущем ребенке, дура! – уже своим характерным шипением произнесла директор, которой надоело ломать комедию и она бросилась в атаку на Таню. – Ты своим бесстыдством, распутством бросила тень на весь наш коллектив! Понимаешь ты это или нет? Не имеет значения, что ты зачала своего ребенка где-то в Уральске! Абсолютно не имеет никакого значения! Потому что будут говорить, что в Горской школе учителя -распутники и развратники! Вот что имеет значение! – Шипучка стала захлебываться от зло-

сти, и тут её перебил голос Нины Николаевны.

– Татьяна Герасимовна! Школа является тем местом, где готовят подрастающее поколение строителей коммунизма. Где дети, глядя на своих учителей должны видеть образец для подражания. А кем станут Ваши ученики? Развратниками? Нет, этого мы допустить никак не можем. Ни дети, ни их родители, а тем более партийные органы не поймут нас.

– А что должны понять родители и дети? Я же не человека убивать собралась, а родить... – попыталась возразить Таня.

– А какая разница, если и то и другое аморально! – крикнула Роза Ахметовна. – Рожать незамужней девушке это аморально!

Таня вся побелела лицом от этих слов. Она прямо посмотрела в глаза директору и сказала:

– Это ребенок от моего любимого человека и ничего аморального в этом нет!

– Эх, девочка, – сказал Вадим Николаевич, – молодая и глупая ты, видать. По человечески мне тебя очень жаль...

– Жаль не жаль, а что-то делать надо, – властно прервала его директор.

– Да, да, Роза Ахметовна – поддержала её Нина Николаевна. – Надо что-то делать.

– А что вы предлагаете? – спросила Таня – Не рожать? – И удивленно посмотрела поочередно на всех.

– Рожать или нет, это твое дело. Но, работать в нашей школе ты не будешь. – твердо сказала Шипучка.

– Как не буду? – взволнованно спросила Таня, вставая со стула.

– А так, не будешь: мы сейчас в составе руководства школы, парткома и профкома тебя за аморалку и уволим.

У Тани на глазах появились слезы. Она с трудом сдерживала себя, чтобы не разрыдаться прямо в кабинете директора.

– Нет, нет, Роза Ахметовна. Мы поступим по другому, так ведь Таня? – крадущимся голосом спросила Нина Николаевна, видя состояние Тани. – Она сейчас возьмет ручку и напишет заявление об увольнении по собственному желанию. Кто её с аморалкой на работу-то потом возьмет, мы же люди всё-таки, не будем жизнь портить девочке. Да, Таня? Вот возьми листочек и пиши.

Таня стояла столбом, обхватив руками свой выпирающий животик и уже не слышала говорящих. Её голова шла кругом, кровь прильнула к лицу и била молоточком в виски. Она пошатнулась и плюхнулась на стул.

– Дайте ей воды! – крикнула Роза Ахметовна.

Вадим Николаевич схватив стакан и графин с водой со стола директора, подошел к Тане. Он налил воды в стакан и протянул его Тане. Таня взяла стакан и отпила глоток воды. Она запрокинула голову назад и покачала ею из стороны в сторону. Затем выпрямилась, сделала несколько глубоких вдохов и горько усмехнувшись, решительно сказала:

– По собственному, так по собственному!

Таня взяла тетрадный листок, ручку, и подняв стул, подошла к столу директора.

– Вот и хорошо, – сказала Роза Ахметовна, когда прочитала, написанное Таней, заявление. – И к нам меньше вопросов будет, когда спросят, почему не удержали молодого специалиста. А за аморалку мы бы только одним выговором не отделались...

3 февраля 1979 года Таня родила девочку. Через три дня Лидия Михайловна и Тоня пришли в родильный дом, встречать её с ребенком. Таня всю дорогу, от больницы и до их дома, бережно несла на руках сверток, в котором лежала её дочурка. Она не обращала внимания на косые взгляды прохожих, гордо шагая по родной улице. А Лидия Михайловна всё же суетилась вокруг Тани, поторапливая её, чтобы не столкнуться с кем-либо из знакомых, боясь лишних распросов. Но Таня твердой, размеренной походкой шла к дому.

Войдя в дом Таня сказала:

– Ну, вот дочка, наконец-то мы и дома!

Она устало прошла в зал и положила на диван дочку. Лидия Михайловна засеменила вслед дочери и подойдя к дивану сказала:

– Раздевайтесь, дочки. А я пока нашей красавице её колыбельку покажу.

С этими словами Лидия Михайловна стала разворачивать

одеяльце, в которое была укутана её внучка.

– Ты и колыбель раздобыла, мама? – обрадованно спросила Таня и обняла её.

– Раздобыла? Скажешь тоже. Это ж твоя колыбелька, которую тебе твой покойный отец мастерил, Царство ему небесное.

Лидия Михайловна положила внучку на колыбель и припевая стала её укачивать. Когда малютка заснула Лидия Михайловна спросила:

– Какое имя решила дать внучке-то?

– Жанна – ответила Таня. – Я давно решила, что если будет мальчик, то назову Жан, а если девочка, то Жанна.

– Почему? В честь Жанны Бичевской что ли? – удивленно спросила вновь Лидия Михайловна.

– Тоня, ты помнишь как начиналось письмо Фаргата? – словно не слыша маму, спросила Таня подругу.

– Не помню. Что-то вроде: Душа моя. – напрягая память, произнесла Тоня.

– Да, именно так. Я же говорила тебе тогда, что он называл меня Жаным, что по-татарски и означает: душа моя! А Жанна и есть частичка души Фаргата.

– Вот напридумывала-то, – восхищенно сказала Тоня, – как в сказке.

– Эх, дочка, дочка. Твоя любовь совсем тебе голову вскружила. Забудь ты этого Фаргата, будь он неладен, и ищи жениха. Хоть разведенного найди, что ли, мужика. Тяжело же

будет тебе жить-то дальше, по себе знаю. Да и я не вечная. Придет срок – с кем останешься?

– Как с кем, мама? Во-первых, тебе ещё жить и жить! Вот Жанна подрастёт и выдадим её замуж, вот тогда и будешь разговоры вести о смерти. Во-вторых, у меня теперь есть Жанна! А в третьих, Фаргат всё равно найдет нас! Вот увидишь! Приедет, как принц на белом коне, к нашим воротам! – при этих словах глаза у Тани заблестели, голос дрогнул, но она пересилив себя продолжила, – И вот тогда мы заживём!..

Лидия Михайловна обняла дочку за плечи, прислонила свою голову к её голове и тихо произнесла:

– Что ж терпи тогда, дочка, раз уж так любишь его...

Тоня опустив глаза смотрела в пол и руками теребила краешек скатерти. Потом, чтобы хоть как-то изменить тему разговора она спросила:

– А что дальше собираешься делать? Декретного у тебя нет, как ребенка кормить будешь?

– Слава богу, я ещё работаю, справимся на первое время, а там посмотрим. – ответила за Таню Лидия Михайловна.

Но Таня радостно улыбнулась, посмотрела на маму и Тоню и сказала:

– Мир не без добрых людей! Я в больнице случайно встретила с заведующей детским садом, Риммой Рифовной, и она предложила мне работу.

– В детский сад? – радостно спросила Тоня.

– Неужели воспитательницей? – так же радостно присо-
единилась с вопросом Лидия Михайловна.

– Да, в детсад. Только не воспитательницей, а нянечкой. Она сказала, что это на первое время, а затем, может и в воспитатели переведут. Этим летом у них на пенсию уходит кто-то.

– Вот хорошо было бы, если так. Хоть и не по специальности, но с детишками будешь возиться, а это ты любишь, – сказала новоиспеченная бабушка. – А теперь давайте-ка налегайте на все, что на столе стоит. Отметим дружно первое в жизни моей внучки торжество – её рождение!

После того, как все слова за столом были сказаны, Тоня засобиравлась домой. Таня вышла её проводить.

– А, у меня тоже новость! – полушепотом, загадочно произнесла Тоня в сенях.

– Неужели Антон разводится? – пытаюсь угадать спросила Таня.

– Лучше! От него жена ушла! – радостно зашебетала Тоня и взяла подругу за руки. – Теперь мы можем с ним встречаться, не скрываясь от людей!

– О вас и так пол посёлка всё знает. – Таня с улыбкой посмотрела на подругу и продолжила: – Тоже мне, секретчики. У меня в роддоме кто только о вас не спрашивал...

– И что? Ты всем разнесла, да? – Тоня отпустила руки подруги и в упор посмотрела на неё.

– За кого ты меня принимаешь? – обиженно проговорила Таня. – Я же не бабка какая-то. И потом, какое теперь это имеет значение, если он свободен?!

– Так-то оно так. Но, они же не развелись. Она просто уехала к себе, на БАМ. А если вдруг вернётся?

– Ну, подруга, тогда я не знаю, что тебе и сказать. Погоди, что ли с годик, а потом и решите, как быть дальше.

– Целый год? – вскрикнула Тоня, выпучив, словно от ужаса, глаза. – Нет, я столько не выдержу. Это же целый год!

– Но и официально вас не распишут в ЗАГСе, – задумчиво ответила Таня. – Он же всё-таки по документам всё ещё женат.

– Ну и пусть не распишут! Я так буду с ним жить. Без всяких штампов в паспорте.

– И уйдешь из школы, в след за мной? – спросила Таня.

– И уйду! Ты же не испугалась!

– Нет, Тоня, ты всё же обдумай всё хорошенько. Взвесь все за и против. Поговори с теми, кто кумекает в юридических вопросах. Сходите в ЗАГС, в конце концов. Может, есть какая-нибудь зацепка, чтобы хоть у вас всё по-людски было?

– Я уже интересовалась так-то. Но, пока закон против нас. Один человек сказал, что Антона вообще могут за двоеженство в тюрьму упечь. – Тоня грустно вздохнула. – Если бы не это, я бы давно уже к нему из родительского дома перебралась.

– Если вы официально не зарегистрируетесь, двоеженства

у него не будет. А вот если он по подложным документам официально регистрирует с тобой брак, тогда да, пойдет в тюрьму.

– Ты так думаешь? – недоверчиво спросила Тоня. – Это что, ему ничего не грозит?

– Ему – нет. А вот если ты побежишь к нему сейчас, то все на тебя будут смотреть как на последнюю дешёвку. Так, как сейчас смотрят на меня...

– Ну и пусть! Главное, чтобы он был рядом.

– А если он тебя бросит, тогда как? Тебе же проходу мужики не будут давать!

– А ты как? Про тебя, между прочим, тоже многие шепчутся. И даже, слухи ходят, что с мужиками женатыми гуляешь...

– Кто так говорит? – спокойно спросила Таня.

– Да многие говорят – уклончиво ответила Тоня.

– И ты им веришь?

– Нет. Что ты! Я же тебя знаю. – Тоня опять взяла Таню за руки. – Просто хочу довести до тебя, что грязные слухи ходят.

– А, ну и пусть болтают, что хотят. – Таня вскинула голову и добавила. – Нет такого, кто может заменить в моем сердце Фаргата.

– Всё любишь и ждешь? – уже обняв подругу тихо спросила Тоня.

– Жду. Всю жизнь буду ждать. Умру, но дождусь.

– Ну, подружка, ну ты даёшь! – восхищено прошептала под самое ухо подружки Тоня.

– Нет, не даёшь! – со смехом возразила Таня, – Не даёшь! – и уж вовсе расхохотавшись, произнесла. – А, интересно, как это меня представляли, с пузом, бегающей по мужикам?

Тоня тоже расхохоталась вместе с подругой.

Действительно, в один из дней Антон, вернувшись с охоты домой, не застал жену дома. Вместо неё на столе его ждала записка:

«Антон!

Я не хочу быть обузой в твоей жизни, которая не может даже родить тебе наследника. Я знаю, что ты любишь Тоню. Может она осчастливит тебя и родит ребенка. Я же возвращаюсь к себе домой, на Байкал.

Прощай!

Настя.»

Антон повертел в руках записку, потом вышел из дома и прошёлся по соседям, надеясь узнать у них, когда уехала Настя. Но, никто из них не видел её уже несколько дней. Он пошел на автостанцию, чтобы там попытаться узнать о времени отъезда жены. На кассе билетёрша ему сказала, что Настя уехала два дня назад, взяв проездные документы до Уральска. Антон озадачено походил, походил да и пошёл в школу к Тоне. Через ученика он вызвал её к себе, на ска-

мейку у рощи. Там и поделился с ней этой новостью. Услышав, что её любимый остался без жены, Тоня восторженно завопила, но Антон прикрыл её рот рукой, и приобняв повёл её вглубь рощи, подальше от людских глаз.

– Не кричи ты так. Весь посёлок перепугаешь. – уже улыбаясь сказал он на удивленный взгляд Тони. И притянув её к себе, с нескрываемым наслаждением поцеловал. Тоня вся отдалась было этому поцелую, но выскользнула из его объятий и с придыханием проговорила:

– Нет, Антон! Я же на работе...

– Знаю, но я уже не могу ждать! Ты же моя!

– Да, Антон, да! Но, только после свадьбы...

Теперь уже Антон с удивлением посмотрел на Тоню.

– Ты о чём? У меня и в мыслях не было осквернять тебя пошлой похотью. Я имел в виду, что не могу дождаться того мига, когда мы с тобой поженимся!

Тоня вся зарделась от этих слов Антона и улыбнувшись проворковала:

– Теперь, наверное, скоро! – и вдруг вспомнив, что она всё же на работе, посмотрела на часы и вскрикнув: – Ой, перерыв десять минут назад прошёл! – помчалась в сторону школы.

Антон смотрел ей вслед, и не веря своему счастью, улыбался.

В Белореченске было множество больших и малых пред-

приятый, раскиданных по окраинам посёлка. На въезде в посёлок расположился Центр мелиорации, а на берегу Идели – Хлебная База. На Горе стояло Опытное Хозяйство, а за Горой, ближе к автотрассе – Машинно-Тракторная Станция, которая занималась поставкой, распределением и ремонтом сельскохозяйственной техники. МТС был рядом с домом Антона, прямо за огородом, и он частенько захаживал туда послушать болтовню мужиков, ну и конечно же приглядеть, где что не так лежит, чтобы при случае прихватить с собой. Сегодня же он шёл с заказом к своему знакомому, товарищу по школе Сашке.

На станции во всю кипела работа, скоро начиналась ковошица. А за ней, и глазом моргнуть не успеешь, уборочная страда начнёт набирать свои обороты. Люди сновали по двору МТС словно муравьи. Тут и председатели колхозов, зажав пухлые папки в подмышки, бегали со своими инженерами и механиками, принимая, автомобили, трактора, комбайны, плуги и сеялки. И представители заводов-изготовителей, которые учили механизаторов правильному обращению с новой техникой, важно расхаживали от одного типа техники к другому. А больше всех, расталкивая и председателей колхозов и заводчан с механизаторами, деловито сновали работники МТС.

Антон дошёл до курилки, где сидели несколько человек и поздоровавшись со всеми за руку, вытащил из кармана помятую пачку «Астры», достал оттуда сигарету и прикурил.

– Васильич на работе? – спросил он, глядя на ближайшего к себе рабочего.

– А я не отсюда, я с колхоза. – ответил ему тот.

– Посмотри на сварочном посту. С утра был на месте. – проговорил другой, тот что сидел на корточках и докуривал папироску. – А что хотел? – поинтересовался он.

– Да так, повидаться, поболтать немного. Давно его не видел. – уклончиво ответил Антон и притушив сигарету, кинул её в урну, которая была сделана из диска плуга-плоскореза и давно стояла переполненной. Окурок, брошенный Антоном, попал как раз на вершину горки из пепла, папиросных гильз и сигаретных останков. Выбив пару окурков на землю, он прочно занял их место.

Антон пошёл в сторону сварочного поста. Дойдя до него, он увидел на его дверях замок. «Куда он подевался?» – подумал Антон о Васильиче. И увидев механика спросил у того:

– А где Васильич?

– А, – махнул рукой механик. – В Красном Уголке с нами беседу проводит этот, как его, Федос из райкома. Тут дел не в проворот, а он как «Прожектор перестройки», речь толкает.

Подходя к Красному уголку он услышал, как Федос читает свой доклад. Федос уже года два как, стал агитатором райкома КПСС. Бывший массовик-затейник и по совместительству киномеханик, теперь был важным человеком и вёл себя соответственно.

– Партия нам дала ответственное задание: выполнить Продовольственную Программу! – вещал Федос, – Нас исправно снабжают удобрениями, техникой, квалифицированными рабочими руками. И мы не можем подвести нашу родную коммунистическую партию, которая ведёт нас от победы к победе!

Антон, войдя в комнату, взмахом руки всех поприветствовал, а сидевшим поблизости пожал руки.

– Ты, Федос, вот что скажи, – внезапно перебил оратора Илья, балагур и сельский смутьян, – у тебя трое сынков уже, так ведь?

– Да. Что ж поделать, мать-природа даёт. – чуть смутившись, но с ноткой гордости ответил Федос.

– Верно сказал, Федос. Да только мать-природа нам и дождь даёт. Только умные люди плащ одевают.

Не успел он это договорить, как гомерический хохот разнесся по Красному Уголку. Федос вскочил из-за стола, весь красный как рак, махнул рукой и пробурчав:

– С вами про серьезные дела толкуют, а вы всё на баб сводите. Мне придется сообщить вашему руководству, что вы, товарищи, не понимаете всей ответственности политического момента. И попрошу принять меры к тем, кто срывает мероприятия утверждённые райкомом партии. – расталкивая стоявших работяг, направился к выходу.

Когда хохот улягся, Антон подошёл к сварщику Сашке, которого все величали Васильичем за мастерство, и поздо-

ровавшись проговорил:

– Васильич, разговор есть. – и кивнул головой в сторону выхода.

На улице Антон отошел поодаль от выхода и закулив сигарету сказал:

– Васильич, острогу бы сварганить.

– Так острой запрещено рыбачить, – хитро прищурившись и улыбаясь во весь рот, ответил ему Васильич.

Антон посмотрел на него как на городского сумасшедшего. Перехватив этот взгляд, Васильич рассмеялся:

– Сделаем, что нам не сделать, своим-то людям. Но стерлядка с тебя. – всё ещё смеясь, сказал Васильич, и подмигнул Антону.

– О чем разговор. Я ж как пионер, всегда готов – при этом Антон закинул в пионерском приветствии руку.

– Ну, тогда, айбат^{*}. Зайдешь к концу недели, а то работы по горло, в рот им пряники.

– Понял. Тогда я зайду в субботу, к концу дня. За одно и рыбки прихвачу. – и пожав руку Васильичу, направился к выходу.

Васильич один из немногих, да наверное единственный в поселке из всех сварных и кузнечных дел мастеров, кто мог сделать острогу так, что его острога без усилия пробивала тело любой рыбы и даже на более-менее крупного зверя можно было ходить с ней без страха, что она переломится. Но не все могли с Василичем сговорится. А для Антона Васильич был

Сашкой, с которым они бегали в один класс и вместе лазили по соседским садам. И Антон лишь для чужого глаза его величал по отчеству, ну и для Сашкиного самолюбия, конечно.

3

*

Он долго выжидал, озираясь по сторонам. Поблизости не было никого, кто бы мог спугнуть его добычу. Мелкая дрожь ожидания чего-то неизведанного била его тело. Он ещё не понимал, что и как должно сейчас произойти, но он знал, что это ему понравится. Он вспомнил как, тогда, давно-давно, в первый раз, мимолетная тень сладострастно-го удовольствия накрыла его. Но тогда он ещё не знал, как ощутить это сладострастие в полной мере.

И вот сейчас, в этот долгожданный миг, он наконец-то сможет осуществить свое желание. Дрожь усиливалась по мере приближения добычи. Он уже начал икать от того, что дыхание его стало неровным, прерывающимся. Чтобы сбить волнение, он стал кусать пальцы на руках, сжатых в кулак. И вот когда добыча приблизилась на расстояние одного броска, он стремительно кинулся на неё.

Негромкий девичий вскрик разрезал было лесную тишину, но тут же затих, накрытый ладонью...

³ * Айбат – по-татарски, хорошо

...Антон взволнованно вбежал в дом и прямо с порога крикнул:

– Тоня, Тонь, ты дома?

– Дома, где же мне быть? У меня же сегодня выходной, забыл что ли?

– Слышала, что в Барде случилось? – не обращая внимания на слова жены и скинув сапоги у порога, прошёл на вторую половину дома Антон.

– Что случилось? – спросила Тоня

– Там девчужка какая-то пропала. И нас, охотников и рыбаков, на её поиски привлекают. Так что, давай, скидывай в рюкзак по больше еды, а я пока ружьё и амуницию приготавливаю.

– Как пропала? Ты толком-то расскажи, а поиски и без тебя начнут.

– Откуда я знаю, как пропала? Говорят пошла за ягодами и не вернулась. Два дня как прошло уже.

– А родители что же её сразу не стали искать?

– Говорю же, что не знаю. Может, они на лугах были, на косовице, за Иделью. На том берегу тоже их сеноугодья. Вот они и на несколько дней туда уходят.

– Вот беда-то какая, – проговорила Тоня, прижав ладонь ко рту. – Может и мне с тобой, для помощи?

– Ещё чего, а кто детей со школы встречать будет? И потом, мы может, не одни сутки по лесу шастать будем? А тебе завтра на работу. Так что, приготовь еды, а не выдумывай причины для того, чтобы за мной увязаться. – Антон сделав сердитое лицо, посмотрел на Тоню и шутя пригрозил пальцем.

Тоня вздохнула и пошла на кухню.

Когда дети пришли со школы, Тоня накормила и стала выпрашивать, что они делали сегодня в школе.

– А мы играли весь день и веселились, – ответила за двоих Саня, шустрая, как и Тоня, девчонка. – А Сеня в саду дерево поломал! – тут же пожаловалась Санька.

– А ябедничать не хорошо! – поучительно сказала Тоня на слова дочери. И посмотрев на сына, который был на год старше дочери, спросила, – Это правда Сеня?

Сеня только хмуро качнул головой и погрозил кулаком сестрѐнке. Тоня увидев это, улыбнулась и притянув обоих к себе, обняла и сказала:

– Ну, сколько я вам буду говорить, что вы должны жить дружно. А ну, ответьте мне, что говорит кот Леопольд?

– Ребята, давайте жить дружно! – бойко сказала Саня и тут же показала язык брату, обрадованная тем, что первой ответила на вопрос.

А Сеня из-за спины дернул её за косичку, надеясь, что сестрѐнка разрешится и выбежит из комнаты. Но Саня стойко выдержала это испытание и не показывая вида, что ей было

больно, деловито продолжала:

– А ещё нам Жанна сегодня фокус показала. Она может оторвать свой большой палец, а потом его ловко приклеивает на то же место.

Тоня звонко засмеялась. А Сеня криво ухмыльнулся, мол, до чего глупая у него сестра.

Сеня и Саня были погодками. После того, как от Антона жена уехала, Тоня прождала месяц, а потом, поставив родителей перед фактом, забрала свои вещи и ушла жить к Антону. Хоть они официально и не расписались, но это событие не сильно отразилось на их жизни. Радетели за моральный облик строителей коммунизма как-то сквозь пальцы посмотрели на облик Тони, чему она очень удивилась. И только спустя несколько лет Антон случайно признался, что её спокойствие обошлось ему в одного кабана, оставленного им во дворе секретаря райкома.

Своего первенца они назвали в честь отца Антона, Александром. А дочь, которая родилась через год, не долго думая, нарекли Александрой. А для удобства обращались к ним, называя сына Сеней и дочь Саней. Сеня и в правду унаследовал черты своего деда. Был молчалив и с пелёнок отличался богатырским здоровьем. Хоть был и не велик ростом, но широкие плечи заставляли даже старших по возрасту ребяташек обходить его стороной. А Саня пошла вся в мать. Такая же вертлявая и шустрая, она старалась во всём обойти своего брата. Сеня уже шёл в третий класс, а Саня во второй той же

школы, где работала Тоня. Она была классным руководителем четвертого «Б» где училась Жанна, дочь Тани. И их дети, так же, как когда-то они сами, вместе по утрам уходили на учёбу. А после уроков, по долгу задерживаясь то в берёзовой роще, а то и вовсе спускаясь к самолёту, шли домой.

После того, как они поговорили, Тоня поручила Сене на-таскать дрова в баню, а Сане – помыть посуду. А сама пошла к Тане.

После того, как два года назад родители Тони погибли в автокатастрофе, возвращаясь из поездки к родственникам, они с Антоном переехали в их дом. А дом родителей Антона продали. Антон перед продажей сделал небольшой ремонт. Обшил стены досками и покрасил их. А покосившуюся, полусгнившую баню поднял на домкратах, добавил только три венца свежих брёвен и поменял полы. Разрушил и разровнял с землей погреб, от чего их участок стал шире и ровнее, а старый дом стал выглядеть как новый. И они смогли выручить немалые деньги с продажи дома.

Через год после того, как въехали в родительский дом, они пригласили гостей и провели что-то вроде свадьбы и новоселья одновременно. К ним пришли Таня с Лидией Ивановной, друзья Антона – Васильич, и Илья, приходившийся дальним родственником Антону, а также пару учителей с работы Тони со своими спутниками жизни. На собранные втайне от Антона деньги, она купила ему подарок – охотни-

чий нож, который ей прислал из Златоуста её дядя, младший брат Галии Салимовны, Галимян. На ноже были выгравированы слова: «Любимому мужу Антону от любящей жены Антонины». Восхищению Антона не было предела, когда он вытащил из ножен сверкающий клинок. И когда гости шумно прокричали: «Горько!», поцелуй Антона оказался настолько сладок, что Тоня растаяла в его объятьях...

...Дойдя до Тани она увидела на дверях замок и огорчённо вздохнув, повернула обратно к дому. В это время она заметила Бронислава, ровесника своих детей и сына соседей справа, Вечяслава Ярославовича и Василисы. Они были потомками высланных когда-то на Урал польских шляхтичей и давно уже обрусели. Даже поменяли католическую веру, став православными. Но имена своим детям они подбирали со старославянским уклоном, как бы в память своих польских корней. Бронислава же все коротко называли БрОня.

– БрОня, не видел, куда тетя Таня пошла? – обратилась к мальчишке Тоня.

– Видел. Она с тетей Лидой и Жанной пошли в школу.

– А зачем?

– Откуда мне знать, тетя Тоня? – пожал плечами малец.

Тоня ещё раз огорчённо вздохнула и поплелась домой. Зайдя в дом, она увидела, что Сеня спит, а Санька завязывает его ноги шнурками от его же ботинок. Недовольно покачав головой, а сама тихонько пряча улыбку, она подошла к дочери и подняла её за руки и шепнула:

– Быстро развяжи и приходи на кухню. Я проверю, как ты помыла посуду.

Увидев абсолютный порядок на кухне, Таня уже с открытой улыбкой встретила Саню. Но вспомнив про её проделку, снова посерьезнела и полушепотом сказала:

– Опять ты за своё? А потом приходишь жаловаться ко мне, что он тебя обижает. Ну, сколько тебе говорить, дочка?

А Саня, нахмурив брови, ответила:

– А зачем он дерево сломал? Дерево тоже жить хотело!

Тоня лишь покачала головой.

– Далось тебе это дерево. – ворчливо сказала Тоня и перевела разговор на другое, – А скажи Саня, сегодня в школе ничего не случилось?

– Нет. Только Сеня дерево поломал.

– Я не про дерево. – уже начиная раздражаться сказала Тоня. – Ты не знаешь, зачем тетя Таня с Жанной в школу пошла?

– А, ты про это?! – обрадованно воскликнула Саня.

– Что это?

– Да Жанна сегодня по дороге домой рассказала, как она сбила с ног Шипучку.

– Какую Шипучку?! – хоть Тоня и поняла о ком речь, но для вида строго спросила с дочери, – Как ты можешь так называть директора? Она же тоже учитель.

– Нет, она директор. – упрямо ответила Саня. – Раз она у нас уроки не ведет, значит не учит.

– Так и я у вас уроки не веду – попыталась объяснить Тоня.

– Ты же у Жанны ведёшь, значит, ты учитель, а Шипучка – директор.

– Опять ты за своё, – Тоня погрозила пальчиком дочке, на что та обидчиво отвернулась. – А как она сбила, ты не знаешь?

– Она пнула по двери с разбега, когда по коридору шла Шипучка, – Тоня вновь покачала головой. – И дверь ударилась об неё. Вот она и упала...

В этот момент что-то с грохотом упало у них в зале. Тоня поднялась со стула и прошла в зал, глянуть на то, что упало. А в зале со связанными ногами лежал Сеня, а Саня улыбаясь, выглядывала из-за спины матери...

...Антон не пришел в этот день домой. И Тоня уложив спать детей, сидела, читая книгу, когда к ним постучались. Она открыла дверь и увидела Таню.

– Вечер добрый, подруга! Можно к тебе?

– Проходи, конечно! Тем более, что я одна с детьми.

– А где Антон?

– А он на поисках какой-то пропавшей девочки.

– А, понятно. Так говорят, уже нашли. – сказала Таня, пройдя в дом и снимая галоши.

– Жива? – с надеждой спросила Тоня.

– Говорят что утопла. Нашли только вещи, оставленные

на берегу Идели.

– Ой, неужели утопла?

– Так в посёлке говорят.

– Вот горе-то родителям. Ой, беда, – запричитала Тоня.

А потом остановилась, и приглашающе махнув рукой, сказала, – Айда на кухню. В зале дети спят уже.

Когда подружки прошли на кухню, Тоня поставила на газовую плиту чайник и стала доставать конфеты, чтобы поставить их на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.